

О ГОСУДАРСТВЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Проблема государства в эллинистический период — его сущности, форм и исторического развития — является чрезвычайно актуальной. История науки знакомит нас с тем, как часто, сознательно или бессознательно, переносились в античность политические формы, отношения, институты и понятия феодальной или капиталистической эпохи, как на материале древности решались острые вопросы современной политической жизни.

За последние двадцать-двадцать пять лет в зарубежной историографии появилось несколько работ, посвященных рассмотрению вопроса об эллинистическом государстве. В некоторых из них авторы в своей характеристике эллинистического государства исходят из юридических конструкций в отрыве от анализа классовой структуры, рассматривая государство как самодовлеющую, независимую от этой структуры силу. Подобный подход мы находим в работах тридцатых годов. Zankan (*Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi*, Padova, 1934) признает основными элементами эллинистического государства федеративные отношения. По ее мнению, определяющим моментом для этого государства было наличие тройкого рода связей: *басилевс — полис, басилевс — войско, басилевс — хора*. Однако Zankan ограничилась, в сущности, установлением некоторых юридических категорий, не пытаясь дать анализа социальных сил, взаимодействии которых обуславливало и характер государственного устройства, не раскрывая реального содержания и значимости этих категорий.

Еще ярче формальная, чисто юридическая точка зрения выражена в книге А. Heuss, *Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren stadt- und völkerrechtlichen Beziehungen*, Lpz, 1937. Автор приходит к выводу, что эллинистические цари признавали полис как самостоятельный политический центр, что города были юридически суверенны. Однако за пышными формулами, традиционными лозунгами и дипломатическими фразами в источниках нетрудно установить, кто в действительности пользовался суверенитетом. Основной недостаток книги Heuss в том, что в ней «этические фикции» принимаются за отношения, адекватные исторической действительности.

У В. Тарна (*Hellenistic Civilisation*³, revised by the Author and G. T. Griffith L., 1952) мы не находим общей характеристики эллинистического государства, но тем не менее, сопоставляя отдельные положения автора, можно уяснить общие его выводы по этому вопросу. Македония как «национальная» монархия противопоставляется восточным эллинистическим государствам как абсолютным и ненациональным монархиям. Тарн не пытается раскрыть социальную обусловленность эллинистических политических порядков, хотя и считает нужным указать в отношении государств Селевкидов, Каппадокии, Понта, Армении на уничтожение древней феодальной системы. Его утверждение о «квази-конституционном» характере македонской монархии неправильно, поскольку понятие монархии, ограниченной конституцией, чуждо античности. Тарн и сам, считая эту монархию «ограниченной правами армии», признает в то же время, что войско не имело никакого голоса в вопросах политики. Притом его состав настолько менялся, что не только о «национальной», но и об этнически однородной по своему составу македонской армии говорить не приходится. Тарн скорее склонен оправдывать или осуждать ту или иную политическую систему, чем выяснять, как она возникла, какие социальные группы были заинтересованы в ее существовании, какие социально-экономические условия привели государство к дезорганизации.

Одна из новейших попыток охарактеризовать эллинистические монархии принадлежит А. Aymard (*Histoire générale des civilisations publ. sous la direction de M. Crauzet, I, L'Orient et la Grèce antique par A. Aymard et J. Auboyer, P., 1953, стр. 385—532*). Эта характеристика находится в тесной связи с общими историческими взглядами автора и с его пониманием эллинизма. История представляет смену «цивилизаций». В эпоху эллинизма на смену цивилизации греческих полисов приходит цивилизация монархическая, цивилизация «басилеев». Автор усматривает «чудо» в том, что в греко-восточном мире, где наследие Востока должно было бы подавить индивидуум, эллинистическая цивилизация содействовала расцвету человеческой лич-

ности. Вся история эллинизма рассматривается Aumard с точки зрения завоевания (военного и «морального») греками Востока и «национальной» реакции. «Роковым» оказалось, по его мнению, то обстоятельство, что эллинизм, распространившийся на огромной территории, эволюционировал и даже проникался иностранными влияниями (стр. 388). Восток представляется автору чем-то косным, неподвижным, ему свойственно лишь прозябание и пассивное восприятие «высшей» культуры, принесенной завоевателями. Исторические данные нередко рассматриваются с морально-психологической точки зрения. Поэтому большую роль играют такие моменты, как «сверхчеловеческая душа Александра», эгоизм греков и т. п. Aumard считает, что перед греками был выбор между двумя линиями поведения по отношению к побежденным: поднятия уровня жизни последних или эксплуатации.

Для Aumard отправным пунктом в анализе эллинистического государства является официальная идеология. Но изолированное изучение государственного строя, с точки зрения официальной идеологии, юридической теории или даже системы и характера учреждений, — а именно такое изучение мы находим у Aumard, — не может привести к решению поставленных проблем. Это решение может быть намечено только в связи с исследованием данного общественного строя, уровня экономического развития, форм собственности и владельческих отношений, классовой структуры обществ. То, в чем Aumard усматривал «чудо» — яркие проявления человеческой личности в эпоху эллинизма, — в действительности было результатом развития эллинистического общества с его многообразными противоречиями и причудливым сочетанием начал Эллады и Востока.

Работы Н. Bengston (*Griechische Geschichte*, München, 1950) и E. Kornemann (*Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II von Makedonien bis Muhammed*, Münch., т. I, 1948) не внесли ничего нового в разработку проблемы эллинистического государства. Bengston повторяет старые идеи о том, что в эллинистический период существовали «территориальные» государства (ук. соч., стр. 405 сл.), что, за исключением Македонии, они не были национальными монархиями, что в них большое значение имел царский культ, что Египет был наиболее централизованным из эллинистических государств и т. д. Но нигде в изложении Bengston (или Kornemann) нет даже попытки поставить в связь характер политической организации со структурой общества или сколько-нибудь удовлетворительно объяснить своеобразие многочисленных политических образований эллинистического периода.

Подход к рассматриваемому вопросу в новейшей «Всемирной Истории» (*Handbuch der Weltgeschichte* hrsg. von A. Randa, Olten und Freiburg im Breisgau, т. I—II, 1954—1956) характеризуется такими объяснениями, как, например (стр. 499 сл.): эллинистический Египет благодаря особенностям географических условий и «благоразумию своей династии» развивался более спокойно, чем другие эллинистические государства, царство Селевкидов отличалось непрерывной сменой величайших успехов и полного распада и т. д. Трудно найти в современной историографии большую беспомощность в методологическом отношении и большую бессодержательность.

V. Ehrenberg в новом издании второй части своего труда, посвященного характеристике греческого государства (V. Ehrenberg, *Der Staat der Griechen*, II Teil, *Der hellenistische Staat*, Lpz., 1958), в сжатом изложении рассматривает основные признаки эллинистического государства.

В книге имеется ряд интересных наблюдений и правильных положений. Автор указывает на значение местной политической традиции, на то, что для эллинистического государства решающим является «первичный факт» — господство над негреческим населением и восточное или македонское наследие (ук. соч., стр. 1, ср. стр. 21). Он хорошо видит, что отношения между государством и полисом основывались исключительно на соотношении реальных сил (стр. 47). В отдельных частях своего изложения V. Ehrenberg стремится учесть при рассмотрении политической структуры в некоторой мере социальный и экономический фактор (стр. 13, 73 сл. и др.), однако этот анализ социальных отношений следовало бы провести более широко и последовательно. И негреческое население и «греко-македонский слой» (стр. 13) представляли собой сложное

и неоднородное целое, а относительно «буржуазии» и сам V. Ehrenberg замечает, что в полисах метрополии она была иной.

Вообще о населении говорится преимущественно с точки зрения этнических и словесных различий, а не классового деления. Для понимания эллинистического государства большое значение имеет характер податной системы. V. Ehrenberg говорит об этой системе (стр. 79 сл.), но почти не касается вопроса о том, на кого главным образом падали многочисленные подати. Если бы в книге был дан ответ на этот вопрос, то, может быть, пришлось бы пересмотреть и тот тезис, что положение съемщиков $\gamma\eta\ \epsilon\upsilon\ \alpha\rho\epsilon\tau\eta\iota$ в общем было хорошим (стр. 75), тем более, что автор и сам пишет о неурожаях, внешних затруднениях, о превеликих требованиях к рабочей силе арендаторов (стр. 75).

Мысль о том, что «все стонали под бременем налогов» (стр. 82), может завуалировать те огромные социальные различия, которые существовали и в этом отношении. Да и излюбленная автором формула о превращении $\zeta\omega\nu\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$ в $\zeta\omega\nu\ \omicron\iota\kappa\omicron\nu\omicron\nu\omicron\mu\iota\kappa\acute{o}\nu$ (стр. 82) ни в какой мере не может считаться адекватным выражением тех действительно огромных изменений в социальной и идеологической сфере, которые характеризуют эллинистический период и которые были совсем неодинаковы для различных групп населения.

Едва ли можно согласиться и с другими, также несколько упрощающими историческую действительность формулировками, как, например, с тем, что, государственный аппарат был организован по образцу частного хозяйства (стр. 73). Утверждение автора (там же), что экономическая политика носила «меркантилистический и фискальный» характер, правильно только во второй своей части.

В общем, задача определить некоторый «общий тип эллинистического государства» (ср. V. Ehrenberg, ук. соч., стр. 3) представляется нам весьма трудной, но, разумеется, во всем многообразии политических форм эллинистического периода можно подметить некоторые общие черты. Это многообразие обуславливалось различиями в социальной основе политических образований, структуру и историю которых и можно понять, лишь выяснив эту основу.

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ КОНЦЕПЦИЯХ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В общих концепциях истории древней Греции современных зарубежных исследователей, разделяющих господствующую в капиталистических странах идеологию, сказываются основные черты их исторического мировоззрения и политических взглядов: модернизация в связи с отсутствием понятия об определенной общественной форме и закономерности исторического процесса, попытки объяснить этот процесс чисто идеалистически, антидемократизм, признание решающей роли «духовной аристократии», гениальных творческих личностей наряду с отрицанием роли масс, стремление смягчить остроту классовых противоречий и классовой борьбы, преуменьшить, в частности, значение рабского труда в античности и роль классовых социальных движений.

Хотя и сейчас имеются авторы, которые пишут о «социализме» и «капитализме» в древней Греции (см., например, G.W. Botsford and Ch. A. Robinson..., *Hellenic History*, N. Y., 1948; Kornemann, *Weltgesch. des Mittelmeer-Raumes*..., т. I, стр. 190), в общем модернизация античности приняла за последние десятилетия иную форму, чем в конце XIX — начале XX в. Вместо «крупных фабрикантов» или «мануфактуристов» главными фигурами в социально-экономической жизни Греции оказываются представители «среднего класса», *le petit bourgeois*, владельцы мастерских и в то же время торговцы, землевладельцы средней руки, ремесленники, представители интеллигенции. Резко возражая против представлений о «процессе индустриализации», В. Эренберг (V. Ehrenberg, *The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy*, Oxf.,

1951) оперирует главным образом этим понятием «среднего класса». Оно тесно связано с его представлением об отсутствии классовой борьбы в афинском обществе (ук. соч., стр. 143 сл.). Богатые и бедные, по мнению автора, это — отдельные группы единого и крепкого в своем единстве общества. Метеки, отделенные высоким политическим барьером от граждан, представляют одинаковую с гражданством социальную среду. Рабы, не имевшие никаких прав, занимались теми же профессиями, что и свободные труженики (стр. 181 сл., 145 сл.).

Ту же мысль об отсутствии глубоких различий в социальном и экономическом положении между метеками и гражданами или даже между гражданами и рабами, то же стремление затушевать эти различия мы встречаем и у других авторов (*Histoire des civilisations*, P., 1953, т. I, стр. 330).

Отсутствие понятия общественной формации приводит к тому, что в работах по истории древней Греции мы часто читаем о капитализме, буржуазии, пролетариате и пр. (см., например, *Historia Mundi*, Bern, 1954, т. III, стр. 139: «более капиталистический образ мыслей», стр. 175: «мелкобуржуазная реакция» и пр.). Aumard, возражая против термина «средний класс», вслед за М. И. Ростовцевым пользуется понятием «городской буржуазии» (*Histoire des civilisations*, I, стр. 427 сл.).

История Эллады, пышный расцвет ее культуры представляются многим авторам «греческим чудом», объяснения которого дать нельзя, или же его приходится искать в «царстве духа». Общий ход развития рисуется при этом как процесс, обусловленный преимущественно сменой идей, «национальными» свойствами или расовыми особенностями (Kitto, *The Greeks*, L., 1951; E. Kornemann, *Weltgeschichte des Mittelmeer-Raumes...*, т. I). Объяснение социальных «зол» заключается в признании тех или иных психологических свойств греков, как, например, у Aumard (*Histoire des civilisations*, т. I, стр. 293), который объясняет бедствия эллинов — войну, непрерывные революции, бедность, изгнания, наемничество — страстью к преобладанию и к независимости. Падение полиса объясняется распространением философских идей и потрясением моральных устоев (Kitto, ук. соч., гл. 9), или — и с этой мыслью мы часто встречаемся — господством демократии.

Демосу — т. е. земледельцам, ремесленникам, торговцам — приписываются экономический эгоизм, узкие взгляды. Он оказывается неспособным сохранить традиции великого прошлого (Ehrenberg, ук. соч., гл. 12, 13 и заключение). Спарта с ее системой беспощадного классового угнетения и с ее реакционной антидемократической политикой идеализируется (E. Cavaignac, *Sparta*, P., 1948). Развитие городов-государств древности рассматривается с точки зрения современных апологетов теории «мирового государства» и необходимости отказа от национального суверенитета (M. Hammond, *City-State and Worldstate in Greek and Roman Political Theory until Augustus*, Harvard University Press, 1951).

Великие задачи может разрешить якобы только духовная аристократия, «самодовлеющие», гениальные творческие личности, противопоставляемые массе или государству (см. *Historia Mundi*, т. III, стр. 132, 179 сл.: K. Freeman, *Greek City-States*, L., 1950). Понятие закономерности исторического процесса утрачивается, ход и направление этого процесса определяются волей «сильных личностей», которые, с точки зрения автора, разрешают (или не разрешают) проблемы, проецируемые из современности в далекое прошлое. К этим избранным личностям «толпа» как в демократических, так и в олигархических государствах испытывает лишь подозрение и зависть (*Histoire des civilisations*, т. I, стр. 311).

К этим «творческим гениям» относят и Алкивиада, и Лисандро (*Historia Mundi*, т. I, стр. 182 сл.), деятельность и идеи которых в действительности неразрывно связаны с процессом упадка старинных общественных форм, с кризисом полисной организации, продуктом которого они являются. Не только по отношению к Афинам и Спарте, но и по отношению к другим областям Греции IV века до н. э. выдвигается утверждение, что «сильные личности» определяли ход событий (там же, стр. 192 сл.). Народу остается только время от времени снабжать эту аристократию свежей кровью и контролировать ее деятельность. Массы должны следовать руководству вождей в мире,

построенном «по вечным принципам», а равенство людей в обществе — лишь «дурная мечта», необходимо равенство людей перед божеством (V. Ehrenberg, *Aspects of the Ancient World*, Oxf., 1946, стр. 249).

При изображении социальной истории древней Греции исследователи стремятся нередко смягчить остроту классовых противоречий и классовой борьбы, показать легкость перехода из одного класса в другой, отсутствие пропасти между гражданином и метеком, свободным и рабом. С этим связано преуменьшение роли рабства и искажение характера социальных движений в древней Греции. Подчеркивается, вопреки фактам, приводимым самим автором (W. L. Westermann, *The Slave-Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955), патриархальный характер отношений между рабовладельцем и рабом, доказываемая сравнительная незначительность восстаний рабов в Греции, даже и в поздний период ее истории (Westermann, ук. соч., стр. 41 сл.), хотя эти восстания нельзя рассматривать вне связи с восстаниями рабов в Сицилии и Италии, крупные масштабы и значение которых Вестерман признает.

Социальная политика ранней тирании и эллинистических правителей идеализируется, государство изображается как сила, стоящая над классами (Cl. Préaux, W. L. Westermann и др.).

Очень показательна для состояния исторической науки на Западе новая двухтомная коллективная работа «*Handbuch der Weltgeschichte*» hrsg. v. A. Randa, Olten u. Freiburg, 1954—1956. Составители руководствовались общей идеей об утрате Европой влияния на мировые события и необходимости пересмотра картины исторического развития. Осуществление этого замысла, однако, поражает своей произвольностью и бедностью идейного содержания.

Как и другие разделы I тома, изложение истории Греции начинается с характеристики религии различных периодов (стр. 433 сл., 459 сл., 483 сл.), причем, несмотря на указания со стороны составителей, никакой органической связи между отдельными частями этого изложения нет. Никакого представления о последовательности развития, о социально-экономических отношениях эпохи у читателя не получается. Что касается политической истории, то она дана сухо, банально и несколько не соответствует тем широким целям, которые, по-видимому, ставили перед собою авторы. Для читателя остается непонятным процесс «демократизации общества» (стр. 470 сл.), так как отсутствует собственно картина самого общества. В целом перед нами одна из неудачных попыток объяснить, исходя из форм религиозной жизни, культурную, политическую и социальную историю.

Все указанные моменты характеризуют общий подход к проблеме социально-экономического и политического развития древней Греции в современной буржуазной историографии, которая в этом отношении сделала шаг назад по сравнению с основными трудами XIX—XX вв. (Грота, Э. Мейера и др.).

К. К. Зельин

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Среди современных буржуазных историков древнего Рима не существует ярко выраженных школ и направлений. При известных разногласиях в трактовке отдельных вопросов всем им присущ, в большей или меньшей степени, ряд черт, свидетельствующих об усилении реакционных тенденций и борьбы против материалистического понимания истории.

Наиболее характерной чертой буржуазных работ военного и послевоенного времени является модернизация римской истории, попытки провести параллели между положением в Риме и в современном буржуазном обществе и, пользуясь этими мнимо существующими аналогиями, более или менее откровенно проповедовать свои реакционные, а зачастую и прямо враждебные СССР и странам народной демократии идеи.

Можно отметить следующие основные проблемы, в которых указанная особенность